

Евгений Замятин

САХАЛИН

*Фрагменты поэмы**

1

Велик и мрачен Сахалин,
Над ним шумят дожди и бури,
И с незапамятных годин
Здесь люди лечатся от дури.
Не признаемся мы подчас,
Но дури очень много в нас.

* Из посмертного наследия поэта.

Ах, наша дурь! Порой она
Мила, по-детски безобидна,
Порой она до слез смешна,
Порой жестока и обидна.
Для чувств известной высоты
Не лишена и красоты.

2

Катилось солнце, как пузырь,
По стороне далекой вятской.
Там жил крестьянин-богатырь,
Молва гласила: “Шибко хватский”.
Был тот крестьянин — барский раб,
Лицом не темен и не ряб.

Семеном мать его звала,
Хозяин-барин — просто Сенькой.
Жена у мужика была
Всех краше в бедной деревеньке.
Бывало, встанет в хоровод
И лебедицей поплывет.

Он никогда жену не бил, —
Дивились все такому чуду.
Но барин бабу принудил
К греху, к безрадостному блуду.
С тех пор Семен стал крепко пить
И барских слуг нещадно бить.

Однажды он быка свалил
На спор за четверть самогону.
Потом соседу дом спалил,
Потом топтал и рвал икону.
В суде устроил ералаш —
И угодил на остров наш.

Он шел в толпе таких, как сам,
Три года через всю державу,
По горьким каторжным слезам,
По диким ядовитым травам,
По мути вод, по тесту глин.
А вот и остров Сахалин.

Когда Семен в острог вступил
И дух его постиг всей кожей
Бродяга весело спросил:
— За дурь попал?
— Что?
— Я, брат, тоже.
Давай знакомиться: Корней!..

Он был в тюрьме известным хватом,
С тузом бубновым на спине,
В халате рваном, полосатом,
Семь раз он с каторги сбегал,
Семь раз его палач стегал.

Свистела плеть над головой,
Над телом изгалялись вицы.
От этих пороков у него
Совсем отпали ягодицы.
Бродяга — всей тюрьмы гроза —
Стал хром, тщедушен и беззад.

Он был общителен, хитер,
Умел подать суду “гумагу”,
Но не смирился до сих пор,
И вновь готовился дать тягу.
Как волка хлебом не корми,
Глядишь — а он уже в Перми.

На прах тряпья, на груды тел,
На вшей, клопов — огня краснее,
Семен без робости глядел
И тем понравился Корнею.
От серой скуки тот ему
Пошел показывать тюрьму.

Был двор ее широк, но глух,
А по нему, тая тревогу,
Бродил ободранный петух
К столбу привязанный за ногу.
— Сопи, товарищ, не сопи,
Здесь даже куры на цепи, —

Сказал Корней и дверь открыл
В казарму, где на нарах жарких
От рыл, как от вороньих крыл,
Чернее было, чем на свалке.
Свет от окна был слаб и кос.
Играли каторжники в штос.

Играли каторжники в штос,
Забыв тревоги и невзгоды,
Кровавый кашель и понос
И даже милую свободу.
В углу, как лунь, суров и бел,
Старик-парашечник сидел.

Он карты под заклад давал,
Дрянные карты из бумаги,
Тряпье и сало продавал
И даже спирт держал в баклаге,
В аду, в остроге коммерсант —
Всегда богат. При нем талант.

Играют каторжники в штос
На хлеб, на сахар, на селедку,
В жару играют и в мороз
Всегда всерьез, всегда в охотку,
Корнею тоже в душу влез
Картежный этот “антирес”.

— Ну что, сыграем, дорогой?
Бери с Артюхина примеры:
Пришел сюда полунагой,
А стал почти миллионером.
Семен махнул рукой: “Ну что ж!”, —
И вынул свой заветный грош.

Тот грошик мать ему дала,
Чтоб Семе вышло снисхожденье,
Она корову продала
И в суд явилась с подношеньем.
Судья корову проглотил,
Но Сеньку все же засудил.

Играют каторжники в штос
В азарте, в ярости, в любви
До нервных судорог, до слез,
До поножовщины, до крови.
И то и дело слышат уши:
— Плати, приятель, транспорт скушан*.

Играют каторжники в штос,
Все ночи напролет играют.
И вот уж Сенька гол и бос —
Штаны последние снимает.
А утром, каясь и ворча,
Под плеть ложится палача.

Тюрьма, на белый день сердясь,
От сна лениво оживала,
Клопов давила, матерясь,
И щи соленые хлебала,
В которых плавала, как злость,
На десять чашек рыбья кость.

Ах, рыба, рыба! Как она
Всем каторжанам надоела.
Вот если б мяса допьяна,
Да каждый день, — тогда бы дело!
А то — горбуша да треска.
Тошнит от этого куска.

Позвали Сеньку на развод.
Картежник, пакостник, ругатель,
Тяжелый выпятив живот,
Ходил по кругу надзиратель.
Он бил, в кандальную сажал
И на работу наряжал.

Дорогу строить. Пруд копать,
Под землю лезть на радость бесу.
Кряжи еловые таскать
На пост за восемь верст из лесу.
Семен с рожденья крепок был —
И сразу в шахту угодил.

* Картежный жаргон

Вот он, здоровый дуралей,
Не пряча силушку в заначку,
Как исполинский муравей,
Волочит санки на карачках.
В глазах темно, на роже грязь,
От лямки кожа порвалась.

Он быстро выполнил урок,
Сел отдохнуть. Не тут-то было.
Корней его толкает в бок:
— Эх, мочи нет, помог бы, милый!
Я посижу и отдышусь.
А вечерком тебе сгожусь.

Семен душой не очерствел.
Бродягу старого жалея,
Опять изрядно попотел,
Но выполнил урок Корнея.
Шабаш. Проверка. А потом
Корней его повел в притон.

Боимся мы: “Острог, острог!..”
А были там простые нравы.
Был надзиратель — царь и бог,
Который как хотел, так правил.
Ему подаришь золотой —
И он почти приятель твой:

“Гуляй где хочешь, мы не злы,
Но на поверку — будь любезен,
Иначе — плеть и в кандалы...”
А что за радость быть в железе?
Вот почему острожный люд
Дисциплинирован, хоть лют.

Корней — он в картах не дурак
И, быв вчера в большом ударе,
Он обобрал седьмой барак
С Артюхиным Андрюхой в паре.
И надзиратель посему
Был нынче милостлив к нему.

В ту пору остров Сахалин
Приказом свыше заселялся.
С рязанских пней, с тверских глубин
Сюда народ шальной съезжался,
Прельщен богатством стороны
И “щедрой” помощью казны.

Но скоро замыслы царя
Бессильно в воздухе повисли.
И с острова, как из ларя,
В котором мыши дно прогрызли,
Народ потек, устал и хил:
Ведь остров хлеба не родил.

А так как надо было есть
Не только мох и кору елок,
То потому осталось здесь
Совсем не много новоселов.
Их в неоплаченных долгах
Тюрьма держала как в тисках.

Теперь представь, читатель мой,
Избу казарменного типа.
В углу сидит старик седой
И дым выкашливает с хрипом.
Он болен, зол. Его жена
Сегодня вдребезги пьяна.

Семь мужиков, гоняя мух,
Играют в штос со всем серьезом.
И пять сожительниц-старух
Лежат на нарах в разных позах.
— Здесь каждая за медный грош
Тебя довольствует, как хошь! —

Сказал Корней, на нары сев
И помянув с ухмылкой бога.
Семен глядел на этот хлев,
Не отрываясь от порога.
Но вот уж старая карча
На нем повисла, хохоча.

От ведьмы шел тяжелый дух,
Как от квашни с прокисшим тестом.
Корней был истинный питух.
Он из бутылки пробку с треском
Умело выбил и “на ять”
Стаканы начал наполнять.

Старухи с жадностью волчиц
Посуду грязную хватали
И на тряпье бросались ниц,
И непристойно хохотали.
Меж тощих бедер и грудей
Сидел Корней-прелюбодей.

Пришел китаец-спиртонос.
Гульба все жарче разгоралась.
А мужики играли в штос,
Как будто их и не касалось,
Что баб, — сожительниц, — все злей
На нарах тискает Корней.

Пять раз пустела ендова,
А все гулякам было мало.
Хромая Машка без родства
Меж тем к Семену приставала:
— Милок, я всех моложе здесь.
Ей было только сорок шесть.

Тряся косматой головой,
Она у ног его скулила.
Пока Семена моего
От ласк ее не затошнило.
Он вырвался из грязных рук
И, сбив башкой железный крюк,

За двери выскочил стремгав.
С залива ветерок струился.
Реки извилистый рукав
Под звездным светом серебрился.
И потихоньку наш Семен
Забыл вертеп, как страшный сон.

...Он вспомнил родины своей
Простор хмельной, простор чудесный,
Где над рекою соловей
Свои наяривает песни,
Где конь не любит удила,
Где ширь полей светлым-светла.

Там пахнет мятой луговой
И росной свежестью сирени.
Там под березкой молодой,
Когда уже сгущались тени,
Он Настю Фокину обнял
И первый раз поцеловал.

Светло в избушке лубяной,
Здесь все покой и счастье славит.
И Настя в кофточке цветной
На стол еду простую ставит.
Уже полгода как она —
Ему законная жена.

А вот они, стерней шурша,
Идут с покоса за возами.
...И, чтоб очистилась душа,
Он плакал долгими слезами.
Притон ему глаза открыл.
Он понял Настю и простил.

Не по своей вине жена
На барской кухне чай варила.
Не по своей вине она
В дурные руки угодила.
А ты ее не понимал,
Хоть дома сам с петли снимал.

Хорош и плох характер наш,
В разврат впадаем, Бога рушим,
Судьбу берем на абордаж.
И пропиваем даже душу,
Но родину, любовь и дом,
Мы никогда не предаем.

Суров Великий океан,
 Он остров бурями тревожит.
 И только смелый капитан
 К нему пристать на судне может
 Да любопытный зверь лахтак,
 Да в утлой лодочке гиляк.

Когда к угрюмым берегам
 Весна тепло свое приносит,
 Медвежий рев и птичий гам
 Приветствует полки лососей.
 Кипит прибрежная черта,
 Идут горбуша и кета.

По речкам среди диких скал
 Плывут они, теряя силу,
 За тучей — туча, валом — вал,
 Чтоб отыскать себе могилу,
 Потомство новое зачать
 И миф о страхе развенчать.

И в эти солнечные дни
 Весь сахалинский край жирует.
 Горят гиляцкие огни,
 При свете их кету свежуют.
 Холодной речки посередь
 Ест рыбы головы медведь.

Вороны, лисы, червяки
 Дары природы пиром славят.
 Переселенцы-мужики
 И каторжане сети ставят,
 Чтоб красной рыбы насолить
 И целый год себя кормить.

У рыбы бурые бока,
 Она наряд надела брачный
 И кровью руки рыбака
 Она окрасила кумачной.
 Среди работников — Семен.
 При кандалах сегодня он.

Да было, было! Он бежал
На материк с Корнеем-лешим,
Который вовсе диким стал
И уж полгода, как повешен.
Помянем старца: вором был,
Но крепко волюшку любил.

Они отправились в бега
В глухую ночь, когда стонала
Над сонным островом пурга
И все живое заметала.
Когда в долинах и горах
Все звери прятались в норах.

Семь суток шли по целине
И, обморозив руки, ноги,
В каком-то страшном полусне
Медведя подняли в берлоги.
Желудки кровью обожгли,
В тепле берлоги отошли.

Корней был хил, но не стонал,
В него как будто бес вселился.
Он песни пел и хохотал
И как ребенок веселился.
— Эй, Сенька, где ты, немота?
Гляди, какая красота!

С высоких гор, с крутых вершин
Прозрачный свет на землю лился,
И мрачный остров Сахалин
На их глазах преобразился:
Жандарм, тюремщик и садист
Был первоначально бел и чист.

На склонах сопок лес синел,
Никем не рубленный от века,
И соболь с дерева глядел,
Не опасаясь человека.
Под вечер вышли на бега
Олень, беляк и кабарга.

Летел стремительный олень,
Едва царапнув снег ногами...
Скажи ему: звезду задень, —
И он пронзит ее рогами.
Смышлен, глазища враскоряк,
Веселым скоком шел беляк.

Глядела дикая тайга,
Как прямо в алость заряницы
Легко бросала кабарга
Свои стеклянные копытца.
На ветках застывала сочь,
На землю опускалась ночь.

А наши каторжники шли
В обутках рваных по сугробам.
Их брови снегом обросли,
А души потом и ознобом.
Ах, если б хоть всего на день
Им ноги одолжил олень!

В глухом распадке между скал
Корней по лаю псов голодных
Торыф* гиляцкий разыскал
И после дум, увы, бесплодных,
Уму и сердцу вопреки
Взял гиляка в проводники.

Наевшись юколы, пошли
Опять сквозь снег и непогоду.
Звездой полей мерцал вдали
Желанный свет святой свободы.
Но предприимчивый гиляк
В засаду заманил бродяг.

Дрались отчаянно в ночи.
Солдатам кулаки навстречу
Семен бросал, как кирпичи,
Ломая лбы, носы увеча.
Корней зубами рвал со зла.
Но — сила силу разнесла.

* Торыф — зимнее жилище.

Нет, я бродяг не повиню
За бегство с острова, чье имя,
Подобно морю и огню,
Страшило бедами своими.
Сто лет назад с угрюмых скал
Я сам бы первый убежал.

4

Весна над островом, весна,
На мелях нерестятся крабы.
И в небе белая луна
Кругла, как щеки вятской бабы,
И каторжанину домой
Так хочется, хоть волком вой.

И он завыл запойно, вдрызг,
По-бабьи зло, по-волчьи дико.
Он кандалы зубами грыз,
Он исходил тоской и криком.
Глядел на Сеньку Васька Жмот
И издевался: "Во, дает!"

Семену все не по нутру:
Дожди, туманы, жизнь-паскуда.
— Я все равно вам нос утру
И убегу опять отсюда,
— Он грозным стражам говорил
И кандалы тайком пилил.

Но хохотал в ответ жандарм:
— Лапшу мне на уши не вешай!
Я сам тебе червонец дам,
Коль убежишь, дружок сердешный.
Куда уйдешь?
Кругом вода.
Отсель дорога лишь туда, —

И он на небо показал.
А в небе, в низком синем небе
Клубилась тучка, как слеза,
О вольной волюшке, о хлебе,

919375 к4

О вятской стороне родной,
О старой матери больной.

Куда ни глянь — морская соль,
Над нею реет чаечонок.
И донимала Сеньку боль
И прожигала до печенок.
Ах, эта соль, ах, эта боль!
Доколь терпеть ее, доколь!

За то, что дик и злобен стал,
Семен уже прикован к тачке.
...Однажды в грязь и вонь поста
Пришла красавица-гилячка,
Светла, как тымские снега,
Легка, как в поле кабарга.

Меха, лимонник, купину
Она солдатам продавала.
Семен на девушку взглянул —
И что-то в сердце задрожало.
Но девушку, могуч, усат,
Уже ташил в сарай солдат.

Она кричала и рвалась,
Как в поле раненая птица,
Когда силка тугая вязь
Ее настигнет под зарницей.
Померк в глазах Семена день.
Он перелез через плетень

И на солдата налетел,
Гремя цепями, тяжелой тачкой.
Солдат был пакостлив, но смел.
И вот уж, оттолкнув гилячку,
Он штык схватил.
И наш Семен
К стене еловой пригвожден.

Увы, не дрогнула рука,
Ее ничто не удержало,
И кровь стекала со штыка,
Как сок брусники ярко-алой.

Как топором сраженный клен,
Упал, не охнувши, Семен.

Не рухнул дождь, не грянул гром.
Над лесом пеночка кружилась,
И жизнь кипела за окном,
В ней ничего не изменилось.
Гремели кандалы. В пыли
С работы каторжники шли.

В тюрьме горнист отбой сыграл.
Колодник старый, сив и хмурен,
Крестясь, товарищу сказал:
— Семен на штык нарвался с дури.
Помянем парня, мрачен был,
Знать, крепко волюшку любил!

5

Спроси, зачем я рассказал
Историю с концом не новым?
К тому, что горя повидал
В достатке Сахалин суровый,
И слез, и крови человеческой,
И душ крылатых, и увечных.

К тому, что мы в мирке без бурь
От предрассудков не свободны
И очень часто словом “дурь”
Клеймим поступок благородный,
А настоящих дураков
Возносим выше облаков.